

Дафна Гордон

Рассказы и истории
ни о чём

Стоит только начать

18+

**Дафна Гордон
Винсент М. Дали**

Рассказы и истории ни о чём

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48566750

SelfPub; 2019

Аннотация

Все мы любим сказки, рассказы, истории, мифы, легенды, которые могут многому нас научить. Это не одни из них. Просто сборник историй, в которых никто ничему не научится, миры, в которых никто не захочет побывать, и персонажи, о которых не захочется говорить. Но! Возможно, кто-то, найдёт в этих историях потенциал, который поможет им раскрыться во всей красе. Кто-то, возможно, увидит в них хоть что-нибудь, что заслуживает внимание. В любом случае, это лёгкое и ненавязчивое чтение на пару вечеров. Дерзайте!

Где твоё сердце?

Вы помните, какие сказки вам рассказывали в детстве? Сказки, которые должны были многому вас научить и от многого предостеречь. Про принцев и принцесс, про драконов и единорогов? Я слышала совершенно другие сказки. В них не было бесстрашных принцев, прекрасных принцесс, злобных колдуний, глупых помощников и волшебных приключений. Мои сказки были другими. Одну я запомнила надолго.

Она про чудовище, что заберёт твоё сердце. Оно приходит к тебе ночью в темноте, забирается в твою постель и словно кот, сначала нежно перебирает когтями по твоей груди, а потом грубо выцарапывает в ней дыру и забирает твоё тёплое, трепещущее, живое сердце, и пропадает в ночи. А ты остаёшься в своей постели, ты жива, но ты без сердца. Больше ты его никогда не увидишь. Будешь искать, бегать, звать, умолять, но, если твоё сердце попало в его руки, тебе его не вернуть.

Оно приходит к глупым и наивным девочкам, которые верили глупым и наивным сказкам, которые смотрели на мир со своих воздушных замков, которые поверили монстру его сладким речам и милым подаркам.

Таковыми были мои сказки. Они должны были научить меня не быть глупой, не верить в чудо, не доверять незнакомцам и никого не пускать в свою комнату по ночам. Я никого и не пускала, только сказки про принцев и принцесс, про драко-

нов и единорогов.

Затем я выросла, как все хорошие девочки. Поняла, что мир совсем не сказка, а все принцы и драконы остались только в моей детской комнате. Но вот чудовище оказалось настоящим. Оно пришло, но не ночью и не в моё окно. А в мою реальную жизнь. Оно говорило со мной, было добрым со мной, я ему доверилась, и я сама впустила его к себе в комнату через дверь.

А теперь оно уезжает, оставляет меня, без сердца. Я умоляю его, зову его, бегу за ним, но оно непреклонно. Монстры должны путешествовать, они не могут долго оставаться на одном месте, среди одних и тех же сердцем. Им нужно что-то новое, не такое как раньше. Оно уезжает и забирает моё сердце с собой. Лучше бы оно растоптало моё сердце, пинало его ногами, рвало бы его руками, но осталось здесь, осталось со мной.

Но в этой истории конец только один. Чудовище всегда исчезает, но не в ночи, а в аэропорту. На прощание, не расставаясь с надеждой, я всё ещё пытаюсь его разжалобить:

– Отдай моё сердце или останься со мной.

А оно только грустно смотрит на меня:

– Там я сберегу твоё сердце, ты же моё сожрала.

Вот только, это совсем не конец истории. Это было полгода назад. Не жрала я ничьё сердце. Всё это обман. Просто я осталась без своего. Плохое ли это существование? Когда как. Порой бывает ничего.

Самое неприятное в первые минуты, когда остаёшься без сердца, это боль, глубокая, ноющая, крутящая, в груди дыра, которая уходит всё глубже и глубже, затягивая внутрь все чувства и ощущения. Хуже всего, что такая рана не затягивается. Ходить с дырой в груди очень неприятно, да и не очень гигиенично, свою я зашила толстой белой ниткой. Периодически перешиваю, в первый раз получилось совсем плохо, а теперь я набила руку.

Вторая неприятность, то, что мир сразу теряет все краски. Вообще перестаёшь различать цвета, всё становится серым, невзрачным, неинтересным. Это не сразу понимаешь. Поначалу тебе кажется, что в этом есть какое-то нуарное очарование, но нет, в кино хорошо, в жизни невероятно тоскливо. Привыкаешь.

Но, наверное, самая главная неприятность в том, что и ты начинаешь пропадать. Не буквально, конечно, но очень ощутимо. Тебя просто перестают замечать. В то время, как ты видишь весь мир в серых красках, весь мир точно также видит тебя. Только тебя это совсем не волнует, есть только боль в груди и больше ничего.

Я нашла выход из своего положения. Не сама. Мне подсказали. Я оказалась не единственной, кто ведёт такое существование. Оказывается, что после потери сердца есть три пути. Ты или умираешь, или существуешь серым равнодушным зомби, так живут очень многие, проходя по жизни серыми пятнами, или становишься сердцеедом, тем кто выры-

вает чужие сердца ради пропитания. Второй вариант наиболее распространённый, но это не моё.

Как поедать чужие сердца? Очень просто находишь человека, проникаешь ему в сердце, берёшь его и съедаешь. Что это даёт? Это как наркотик, на какое-то время начинаешь видеть мир в ярких красках, мир замечает тебя, а потом всё пропадает, приходится искать новое сердце. Это не просто, проникнуть кому-то в сердце, когда ты практически невидимка.

Я уже около месяца голодаю. Хотя я выбрала для себя такой путь. Он не слишком мне приятен. Никогда не любила фальшивость, а в таком деле только и делаешь, что притворяешься. Хорошо, что я смогла разработать для себя схему и несколько правил. Первое, это всегда мужчина, не потому что я какая-то сексистка или вроде того, просто никогда не умела находить общий язык с девушками, общение вообще не моя сильная сторона, а девушки любят поговорить. Второе, ему должно быть за тридцать, не молодой зелёный юноша, но и не старик, идеальный вариант зрелые, такие ещё могут что-то чувствовать, но их не нужно обольщать кукольным кокетством и ужимками, только логика и рассудительность, холодность, сдержанность и отчуждённость в их глазах. Третье, не возиться с ними слишком долго, если что-то не получается переходи к другому. Это просто пропитание, не делай различий, особо не привередничай.

Быстро, точно и чисто. Очень простая схема. Хотелось

бы мне совсем этого не делать, но я почти месяц не ела, голод становится невыносимым. Хорошо, что мне подвернулся очередной корм. Подходит по всем параметрам, быстро клюнул, нечего ждать. Сделаю всё сегодня.

Посмотрела на часы, пять пятнадцать. Отлично. Осталось пятнадцать минут. Он заканчивает работу в половину. Выходит из здания ровно в тридцать две минуты, идёт через узкий переулок к машине и уезжает домой, нигде не останавливается. Решила, что лучше всего будет подкараулить его в переулке после работы. Не знаю почему до этого ещё никто не додумался. Самое лучшее совершать преступления в час пик, все спешат домой, никому нет никакого дела, чем занимаются окружающие.

Вот и он, прекрасно, точен, как часы. Он меня не замечает, это так легко, в моём положении самые большие усилия нужно прикладывать к тому, чтобы меня заметили, а быть невидимой также просто, как дышать.

Подкрадываюсь к нему, сейчас, пока он не сел в машину. Хватаю его за горло и прижимаю к стене. В первую секунду он не понимает, в чём дело. Растерянность. Страх. Удивление. Узнаёт меня, недоумевает, что-то похожее не радость, думает это какой-нибудь сюрприз. Это его не спасёт. Почему я так внимательно его разглядываю? Обычный мужик, тридцать пять лет, среднего роста, немного полноват, но ещё не толстяк, с мягкими чертами лицами, нос сломан уже давно, немного картавит. Его глаза очень тёмные, оле-

нии, такие мягкие и красивые. Не думать об этом. Нельзя. Просто вырви у него сердце и всё. Что защемило в груди, как обожгло. Как же больно. Нельзя больше ждать. Один удар в грудь и всё. Вот оно – сердце. Горячие. Ещё бьётся. Липкое и мокрое.

Он падает. Вот же чёрт. Мёртв. Невероятно. Такое бывает, не все могут жить без сердца. Он видимо из тех, кто не мог. Что это? Жалость? Мне его жаль? Нет, нет и нет. Я не могу ничего такого чувствовать. Он мне безразличен. Почему тогда так хреново. Тошнота. Ком образуется в животе, поднимается вверх по пищеводу, во рту горечь, ещё секунда и изо рта вырвется отвратительная вонючая субстанция. Нет. Быстро всё сглатываю. Ощущения ещё более мерзкие. Нельзя здесь больше стоять. Уйти так сложно, не могу отвести глаза от его тела, особенно от глаз, такие тёмные и глубокие. Закрывать их. Для этого нужно до него дотронуться. От одной этой мысли по телу проходит дрожь. Нельзя же здесь стоять, да ещё с окровавленным сердцем в руках. Закрываю глаза и резко разворачиваюсь, перебираю ногами всё быстрее и быстрее, раз, два, три, четыре, пять двадцать один, двадцать два, двадцать три, двадцать четыре, двадцать пять, достаточно. Останавливаюсь. Можно открыть глаза. Я в одном шаге от людной улицы. Хорошо, что никто меня не видит. Его часть всё ещё у меня в руках. Убираю её в пластиковый пакет, затем в карман. Теперь надо успокоится. Невозможно.

Я достала то, зачем и охотилась. Чего-то ждать глупо. Что я должна сделать? Ближайшее кафе. Конечно. Видела здесь одно. Быстрее, быстрее. Внутрь. Проталкиваюсь сквозь толпу. Никто не обращает на меня внимание, но и не до них сейчас. Вот оно – кафе «Лунная тень», странное название. Теоретически у луны может быть тень, на неё светит солнце, значит есть и тень, вот только нет места куда бы она могла её отбрасывать. А может и есть. Никогда не была сильна в астрономии.

Внутри довольно уютно и малоллюдно. Прекрасное место. Ещё немного и всё будет хорошо. Сажусь за столик, заказываю картошку, кетчуп и холодный чай. Пока заказ готовится, вытираю свои руки салфетками. Как никто не заметил мои окровавленные руки? Меня едва видно, да и много ли люди замечают.

Вот и мой заказ. Отлично. Кладу сердце на тарелку. Сердце – это всё, что мне нужно, но никак не могу привыкнуть к такому рациону. Особенно ко вкусу. Такой солёно-металлический с оттенками йода. Не очень аппетитно. Поэтому всегда заливаю его кетчупом, заедаю картошкой и запиваю чаем. Тогда это даже деликатес. Наконец-то. Я не представляла, насколько я была голодна. Всё с тарелки исчезает меньше, чем за пять минут. И она чиста, словно на ней ничего не было.

Блаженство, по телу расходятся волны тепла. Словно кошка при мурчании, начинаешь вибрировать. Глаза различают

цвета. Тебя наполняют ощущения. Никто не понимает, как это прекрасно чувствовать, пока не лишится этого. Но это самое лучшее, что есть. Чувства, красота, радость, блаженство, как приятно в них потеряться. Словно тонешь в вате, в сладкой вате. Официант тебе улыбается, он меня видит. Кажется, я ему понравилась. Это приятно. Познакомится с ним? Думаю, нет. Не сейчас. Есть более важные дела.

Я не видела его уже пару дней. Скорее. Как же я по нему скучаю.

Как же это приятно. Прогуляться под дождём. Особенно, когда он тёплый, особенно, когда нет ветра. Как приятно, чувствовать капли, текущие по твоему телу, мурашки. Словно он проникает под кожу, но это не ужасно, это восхитительно. Ты как растение, дождь тебя наполняет и питает. Распускаешься, как цветок под солнцем. Прохожие оборачиваются, кто-то с радостью, кто-то с недоумением, теперь все меня видят. И пусть. Я тоже их вижу, каждую чёрточку, каждый оттенок. Они прекрасны. Всё прекрасно. Пусть так всегда будет.

Скорее, скорее вот и он. Начинаю задыхаться. Он, его запах, его объятия, его губы, я вся в нём, ура.

– Ты снова в этом мире?

– Да.

– Надолго?

– Я не знаю.

Он больше об этом не спрашивает, только сжимает мою

руку. Он всё понимает, без слов, знает, что я сделала, знает, что без этого никак, ему жаль, как и мне, но он рад, что я с ним, настоящая.

– Когда ты вернёшь мне сердце? – этот вопрос я задаю ему каждый раз.

– Скоро, – он крепче сжимает мою руку, – совсем скоро.

– Ты всегда так говоришь.

– Теперь точно скоро.

– Где и всегда, – он улыбается, – в моей груди. У нас одно сердце, одна душа, мы одно.

– Но мы не вместе.

– Прости, – ему по-настоящему жаль, – мне жаль, что я причинил тебе боль. Я не понимал, что творю, я почти придумал, как всё исправить, как разделить сердце, не повредив его, как прожить половинками, не потеряв целого.

– Сколько? Сколько ещё? – плачу, прекрасно и ужасно.

– Немного, – его лицо стало очень серьёзным, – опять приходила эта женщина.

– Что? Зачем?

– Искала тебя... Кажется она о чём-то догадывается.

– Она меня пугает, – мороз пробежал по коже.

– Некоторые ведь умирают, – сказал он тихо.

– Я не специально, – некоторые слова режут, как болеее ножа, – и не все умирают. Это не так уж часто.

– Последнее время всё чаще.

– Я знаю, – лицо начало гореть, – но это не я. Я вообще

стараюсь это делать, как можно реже. Ты же знаешь.

– Знаю, – ласково погладил меня по щеке, за это я могу простить ему всё, – я знаю. Просто мне кажется, что она одержимая. Хочет поймать сердцеедов и судить их.

– Глупость, – поморщилась я, – мы легенда, в нас никто не верит, нас никто не видит.

– Кто-то верит, – скептически заметил он.

– Не важно, – отмахнулась я, – что она хочет поймать и доказать?

– Может хочет остановить потерю сердец.

– Невозможно, – вздохнула я, – мы только симптом и побочный эффект. Не мы это начали. Не нам это останавливать.

– Ты права. Не будем об этом. Просто берегись её.

Я ничего не ответила. Только снова его поцеловала и ещё раз, и ещё, а потом снова и снова. Пока я не пропаду. Я буду с ним, буду любить его и чувствовать. А когда придёт наша время, буду с ним навсегда.

А эта женщина? Она хочет остановить потерю сердец, их кражу, их съедение. Может попробовать. Мир без разбитых сердец, без боли, звучит прекрасно, но люди никогда не научиться дорожить сердцами. Скорее они станут каменными. Но это уже совсем другая история.

Поколение каннибалов

Никто не знает, когда это началось. Кто был первым. За-

чем он это сделал. И почему все вокруг стали поступать так же.

Но факт остаётся фактом. Мы стали каннибалами. Все люди на планете пожирают друг друга. И это стало нормальным. Стало жизненно необходимым, теперь это часть нашего выживания.

Поначалу были сложности. Съесть кого-то, значило убить его. А убийство в цивилизованном обществе сильно порицалось. Но можно ведь съесть кого-то не убивая. Как? Очень просто. Мы ведь цивилизация. Умнейшие существа на планете. Мы покорили землю, воду и небеса, приручили огонь, встали во главу пищевой цепочки, нам открылись все тайны космоса. Не ужели мы бы не смогли приручить свои собственные прихоти. Конечно, смогли. Нашлись сотни учёных, которые исследовали феномен, нашли в нём закономерности, объявили его нормой (ведь, что делать, если не можешь остановить всеобщие безумие, просто объяви его нормой, приведи доказательства, даже не убедительные), ввели его в распорядок нашей жизни, установили правила. А затем и власть ввела законы. Каннибализм – теперь норма, наша жизненная необходимость. Не так всё плохо, уменьшилась преступность, вопросы голода, перенаселения и жестокого обращения с животными, не полностью, конечно, но мы сильно в этом продвинулись.

Однако, есть ограничения. Пока ты не достиг совершеннолетия тебе нельзя даже думать о таком. Ведь совершенно-

летие определяет всё. Сразу же как-то только часы пробьют двенадцать, в твой день рождения, ты становишься умным, рассудительным, самостоятельным, ответственным и готов сам отвечать за свою жизнь, и не важно, что было до этого.

Но главное, в этот день, ты можешь не только пить слабый алкоголь, ходить на любое кино без родителей, но и попробовать ближнего своего. Первый раз ты никогда не забудешь. Как впервые вонзил зубы в того, кто был тебе ближе всего, в самого дорогого. Как оторвал от него кусок, как почувствовал солоноватую, тёплую, липкую кровь во рту, ощутил запах схожий с ароматом железа, как пережёвывал мышцу и выковыривал кусочки кожи из зубов. Теперь ты взрослый, ты как все.

А дальше для тебя начинается выбор. Ты распробуешь всех своих любимых и близких, и остановишься на самых сочных и аппетитных, на тех, от кого можно оторвать кусок побольше. Определишься со вкусами, кому-то нравится кровь, кому-то кожа, кому-то мышцы, а кому-то нервы, немногие предпочитают мозги и почти никто сердце. И ты сделаешь свой выбор.

Но у всего есть цена. Теперь и ты подпитка, корм для окружающих. От тебя тоже будут отрывать куски. Не сразу, понемногу. Ты ведь ещё так молод. И твоя молодость, и свежесть – твои главные достоинства. Ухаживай и береги своё тело, для твоих любимых это одно из главных блюд, для кого-то, возможно, способ существования. Не подпускай к се-

бе паразитов, которые будут только рвать и рвать тебя, ничего не давая взамен. Самое удобное – это найти партнёра, который полностью отвечает твоим гастрономическим интересам, а ты вкусен для него и существовать с ним, отрывая друг от друга равные части. Живите с ним долго и счастливо.

Но берегитесь того, для кого вы можете стать блюдом всей жизни. Он съест вас всего, целиком, и если не лопнет, то убьётся другим способом, ведь без вас, для него, жизнь не жизнь. И никогда не пробуйте самого себя, к себе можно пристраститься, от себя сложно оторваться и так вы долго не протянете.

Самое лучшее – это умеренность. Проживите свою жизнь достойно, а на старости лет задайтесь вопросом: « Как человечество пришло к такой жизни? », и придите к ответу: « А разве так было не всегда? ».

Маски

Что вы увидите, если посмотрите вокруг? Что вы рассказать о своём мире? В моём мире у людей больше нет лиц. Не буквально, конечно. Передняя часть головы человека – на своём обычном месте, но теперь она всегда под маской.

Как это случилось? Хороший вопрос. Как и многое в этом мире всё произошло из самых благих и лучших намерений. Интернет, социальные сети, развлекательный контент – всё это прекрасно, и не будет принижать достоинств данных открытий. Однако у них обнаружилась тёмная сторона. Они невероятно поглощают наше время и отвлекают внимание.

Да, поначалу проблема не казалась серьёзной. Что страшно в том, что на работе ты на пару минут отвлёкся на просмотр какого-нибудь коротенького видео. Ничего страшного. Перезагрузиться и отвлечься никому не мешает. Ты ведь возвращаешься к работе и работаешь хорошо. Но то, что началась так безобидно в один момент стало опасно. Люди всё больше и больше времени начали проводить за просмотром чего-либо теряя сосредоточенность и концентрацию. И всё полетело в Тартарары.

Однако наука и человеческий мозг способны на невероятные вещи. Знаете, что самое гениальное, что они придумали? Газ. Нет, серьёзно, газ. Но не обычный, а способный контролировать наше внимание: сенсорное, двигательное, эмоциональное, интеллектуальное, произвольное, произвольное и постпроизвольное, а также эмоции, наверное, я не учёный, поэтому плохо в этом разбираюсь.

В общем, вдыхаешь газ и вуа-ля, ты можешь работать восемь часов, не отвлекаясь ни на что, кроме работы. Удобно. Нужно домой быть примерным семьянином, газ, вдохнул и готово, ты идеальный семьянин, в меру строгий, в меру заботливый, в меру нежный. Хочешь расслабиться, вот тебе другой газ, вдохнул и ты весел расслаблен. Не спешите строго судить. Может я как-то плохо объяснила, но штука на самом деле прикольная. А как преобразила мир. Теперь все работают со стопроцентной эффективностью, никакого домашнего насилия, детской агрессии, необоснованной жесто-

кости, импульсивных преступлений. Прекрасно же. А главное, видов газа на все случаи жизни, вплоть до того, когда тебе нужно сходить в туалет.

Однако был один маленький побочный эффект. Оно очень плохо действовало на ваше лицо. Совсем плохо. Как оспа или сифилис. Лицо ужасно портилось и будто разлагалось. Но и тут было найдено решение. Маски. Всем просто нужно ходить в масках. Гениально. И главное маски, также, были придуманы на все случаи жизни. Теперь наш мир можно было совсем-совсем упорядочить. Так и сделали. Он разделился, каждый занял своё место, и выполнял то, что должен был. А главное не под давлением, не из страха, а потому что не мог по-другому. Он вдыхал газ и воля, внимание сосредотачивались только на одном, на задаче, которую нужно было сделать.

И не так всё и плохо. Да, на свободу воли и личный выбор, это не совсем похоже. Хотя она более или менее есть, никто не выбирает за тебя, кем тебе стать, можешь быть художником, можешь инженером, можешь врачом, выбери и вдыхай правильный газ. Никто не выбирает за тебя спутника жизни. Никто не выбирает твою ориентацию или убеждения. С этим стало даже проще, такие понятия, как расизм и сексизм практически совсем ушли. Да и всяких экстремистов не стало. Газ держит тебя в разумных рамках, в рамках логики и сосредоточенного внимания. Минимум агрессии. Хорошо звучит, да?

И чем пришлось заплатить за эту утопию? Всего лишь нашими лицами. Не очень большая цена. И люди всегда носили маски, просто теперь это буквально маски. Высшие всё отлично продумали.

Ах, да, Высшие, я ничего про них не рассказала. Не подумайте, это не какие-нибудь Боги или существа из неизведанных миров. Это предприимчивые люди и бизнесмены. Владеющие самыми крупными и доходными предприятиями. Главный их актив – это научные достижения и открытия. Они очень зорко за этим следят и именно они решают, чем будут пользоваться обычные люди, а чем нет.

Именно они решили, когда пришло время интернета, когда и какую социальную сеть показать миру. Вы ведь не думаете, что вы начали ими пользоваться в момент их зарождения. Смешно. Каждое из этих открытий было сделано за десяток лет, до того, как его увидел мир. Некоторые даже на полвека опоздали. Угадайте что? Высшие оцениваю риски, релевантность, потенциал и возможные последствия того или иного открытия, и в нужное время выпускают его в мир. А когда миру надоедает одно, они выпускают другое. Очень разумная стратегия. А таких активов у них ещё на столетия вперёд. И вы точно не знаете их имён, и кто они. Серые кардиналы этого мира. Красиво и литературно. Хотя, по мне так, больше похоже на жуткий клуб по интересам. И управление миром может стать хобби. Тут только воображение подключить.

Что-то я потеряла мысль. Если сократить, Высшие дали людям Интернет, социальные сети, видео и всё остальное, создали из этого проблему, а потом дали её решение. Немного об этом, если вы не догадались. Они моделируют наш мир и перемоделируют его, примерно, каждые полсотни лет. Сначала им нужен был мир интернета, развлечений, виртуального общения, чтобы наше внимание рассеялось, чтобы предложить нам газ, который испортит наши лица, чтобы мы могли носить маски, чтобы мы возненавидели эти маски, чтобы мог наступить век пластических хирургов и прорыва в этой области, чтобы нам это всё надоело, и мы захотели вернуться ко всему натуральному и экологичному, и так далее.

Думаете, а что если маски никогда себя не изживут. Есть план Б. Всегда есть план Б. Их план Б состоит в том, чтобы создать вдохновляющее восстание, найти лидера и символ, начать борьбу за полную свободу, отказ от всех масок и возврат к обществу открытых лиц. Словно, они когда-то были открытыми.

А какое место во всём этом занимаю я? Я – королева. Не мира. Только европейской части. Да, после масок случился маленький такой передел мира, но он прошёл тихо, мирно, всех накачали газом (в воздухе его распылили), и все тихо мирно согласились на изменения, думая, что решение было целиком их. Теперь Европа это одна большая страна. Так и называется – Европа (на классное название креатива не хватило). А я её королева.

Как я ей стала? Просто и легко, по собственному самолюбию и слабости. Я не принимала газ, отказывалась носить маски. Почему? Я очень красива, я действительно очень красива и горжусь этим. Это всё чем я горжусь. Я обожаю смотреть на своё отражение. Рассматривать его, восхищаться им, любоваться. Газ портит лицо, я об этом уже говорила. Что-то испортит моё лицо? Никогда. Сначала меня пытались силой заставить принимать газ. Я отказывалась. Боролась. Подставила и продала всех своих друзей и родных, только чтобы сохранить своё лицо. Горжусь ли я этим? Нет. Я всегда думала, что готова на всё ради семьи и любимых, но это не так. Когда передо мной стал выбор моя красота или жизнь другого человека, я выбрала свою красоту. До этих моментов, я не понимала насколько я тщеславная и нарциссическая, насколько я испорчена и самолюбива.

Думаете, почему они силой меня не накачали? Наверное, потому что у них были другие планы на мой счёт. Сейчас поймёте о чём я.

Когда запугать меня не получилось, Высшие решили со мной договориться. Договор был очень прост, я становлюсь королевой, делаю всё то, что они говорят, нашу золотую маску, а взамен, газ меня не коснётся и я сохраню своё лицо в целостности и сохранности. Я согласилась.

Зачем им королева? Всё просто, нужен козёл отпущения. Когда произойдёт восстание и людям надо будет кого-то винить, они будут винить меня и других таких же правителей.

Скорее всего нас казнят.

Зачем я на это согласилась? Я умру красивой, всё лучше, чем прожить жизнь цирковым уродом.

Однако, что-то начинает меняться, медленно, постепенно, внутри меня. Всё из-за него. Из-за того, кто поведёт восстание и станет символом свободы. Его уже выбрали. Я уже видела его. Его лицо, как и лица всех вокруг ужасно, но его глаза. Такие красивые. Такие добрые. Кажется, он меня жалеет. У него чудесный смех. Мне нравится его голос. С ним хорошо, спокойно, забываешь обо всё даже о себе. И я ему нравлюсь. Что же делать? Нельзя быть в мире с тем, кто должен будет тебя свергнуть и убить. Всё это так не скоро. Я надеюсь, что не скоро. Сейчас мы можем быть счастливы. Вышние. Они такого не допустят. Это не вписывается в их план. Они что-нибудь придумают, чтобы всё было так, как они хотят. Но может можно что-то сделать? Мы не куклы, они не кукловоды. Если хотят пусть запускают свою эру пластических хирургов, встают против масок. Мне всё равно. Я только хочу быть с ним, в этом мире, в любом мире. Они думали, что я не умею любить, а я умею, и не только себя. Его я люблю больше, чем себя и свою красоту.

Я изменю этот мир.

Не проклятая картина

– Дорогая, я дома, – прокричал Амори, закрывая входную дверь.

– Ты сегодня рано, – Нита его жена, как обычно, вышла

его встречать.

– Да, не стал сегодня задерживаться, – он поцеловал её в щёку, – да и большая часть фильма уже готова, осталось только дожидаться премьеры. А как прошёл твой день? Была сегодня где-нибудь?

– Нет. Сегодня решила поработать из дома.

– Тебе ведь просто было лень куда-то идти?

– Да, не спору. Но на мою работу это никак не повлияет, так что могу себе позволить.

Амори улыбнулся и приобнял свою красивую жену. Он очень её любил и никак не мог на неё налюбоваться, несмотря на то, что она была на три года старше него. Этой разницы никто не замечал, да и по правде, Нима выглядела, даже моложе своего супруга.

– Что это у тебя? – Нима только обратила внимание на коробку, которую Амори принёс с собой.

– Ты не поверишь, что мне удалось достать, – его глаза прямо загорелись от удовольствия.

– И что же? – лицо Нимы приобрело довольно скептическое выражение.

– Одиночество, – драматично возвестил Амори.

– Что? – на его жену это не произвело никакого впечатления.

– Одиночество, – начал пояснять Амори, – картина молодого художника, которую считают проклятой или зачарованной, или одержимой, или что-то там ещё, потому что все её

владельцы заканчивают жизнь самоубийством.

– И зачем ты притащил это к нам в дом?

– Ой, да ладно тебе, – Амори направился в просторную гостиную, на ходу разворачивая свою покупку, – крутая же вещь, таинственная, ты сама собираешь жутких кукол: Аннабель, Пила и прочие. Меня каждый раз дёргает, когда смотрю на этого чувака из Лабиринта Фавна. Бррр.

– Это не одно и то же, – принялась защищать свою коллекцию Нима, – они никого не убивали, их владельцы не кончали с собой и вообще это просто игрушки, сделанные на основе культовых образов популярных ужастиков.

– А это просто картина, – Амори наконец извлёк на свет своё приобретение.

Это, действительно, была просто картина. Ничего страшного или ужасного на ней не было. Наоборот, она была довольно проста, даже скучно. На ней был изображён угол комнаты в чёрно-серых тонах, а в этом углу человек, сидящий в позе зародыша. Но надо отдать должное выполнена она была прекрасно, несмотря на небольшое количество цветов, был передан объём, тени, а человек, хоть и был, всего лишь, силуэтом или пятном, но прекрасно выражал забитость и страдание. Художник – мастер своего дела. Смотря на данное произведение тебя действительно охватывают гнетущие и депрессивные ощущения. А голове возникает вопрос: Я действительно так одинок?

– И в чём её проклятие? – спросила Нима, – это белое

пятно выползает по ночам из картины и душит своих хозяев за то, что те с ней не поиграли?

– Нет, – закатил глаза Амори, – ты же не веришь в такие вещи. Это просто картина, прошлые хозяева которой, вероятно, были несчастными людьми и всё равно бы свели счёты с жизнью. Просто так совпало, что у них была эта картина. Согласись, она производит впечатление. Ты прям чувствуешь эти стены и это страх.

– Да, этого не отнять, – Нима просто впиалась глазами в произведение искусства, словно проваливаясь внутрь, – где ты её повесишь?

– Ещё не знаю, – он начал осматриваться по сторонам.

– Даже не думай, – остановила его жена, – здесь ты её не повесишь, она никак не впишется в наш интерьер, и не думай ничего мне тут портить.

– Ладно, ладно, повешу её у себя в кабинете, – сказал Амори и отправился вешать картину.

– Кстати, – крикнула ему вдогонку Нима, – сколько ты на неё потратил?

– Искусство бесценно, милая, – был ответ.

– Значит много, – заключала Нима, но сама себе, чем своему импульсивному мужу.

Они во многих отношениях были странной парой. Помимо того, что она была старше, она ещё имела два высших инженерных образования, работала в крупной строительной фирме главой аналитического отдела, и в целом бы-

ла очень собранной, ответственной, не любила сюрпризов, всегда имела план, запасной план, всё рассчитывала и продумывала. Он же, напротив, закончил театральное училище, никаким высшим образованием даже театральным себя не обременял, начал работать актёром, сценаристом, блогером, снимался где позовут, был импульсивным, лёгким, ни о чём не задумывался, предпочитал идти туда, куда его позовёт ветер, а уже на месте разобраться, что и как можно сделать. Несмотря на столь противоположные характеры они сошлись, возможно, этому поспособствовали их одинаковые вкусовые предпочтения и схожее, немного чёрное, чувство юмора.

Как бы то не было, но Амори влюбился в свою будущую жену с первого взгляда и после настойчивых ухаживаний она ответила ему взаимностью. Они быстро поженились. И спустя год брака Амори не перестаёт влюбляться в свою жену, говорить ей как можно чаще, какая же она красивая, и всеми способами выражать свою любовь. Нима же куда более сдержанная, она мало говорила, не была сильна в проявлениях нежности, но всегда поддерживала мужа и не пропускала ни одного его проекта. Так что можно заключить, что во всех отношениях они очень счастливая пара.

И на поверхности это так, но в глубине всегда есть какое-нибудь чудовище, которое рано или поздно вытащит свои щупальца на свет. А теперь ещё и проклятая картина, кто знает, может быть она станет тем катализатором.

Но пока что день ничем не отличался от обычно. Амори отправился в свой кабинет искать подходящие место для такого интересного приобретения, а Нима отправилась к себе в спальню, чтобы почитать, книги были большой её страстью. И да, у них были отдельные спальни и кабинеты, личное пространство друг друга они очень уважали.

Они встретились только во время ужина.

– Нашёл место для картины? – спросила Нима.

– Да, – ответил Амори, – уже даже её повесил. Отлично смотрится. А у тебя что нового?

– Ничего, – пожала плечами Нима, – почти дочитала книгу, пара глав всего осталась.

– Что ты сейчас читаешь?

– Анну Каренину.

– Разве ты её уже не читала?

– Читала, но давно, теперь всё немного по-другому.

– И как же?

– Не знаю, – Нима пожала плечами и задумалась, – я всё ещё не могу прийти к однозначному мнению по поводу Анны, она мне то нравится, то нет. Раньше, она мне очень нравилась, и я никак не могла понять, почему она не может себя пересилить и просто остаться с мужем. Она удачно вышла замуж. Он её любит, он знатен, богат, у них сын, она ни в чём не нуждается, имеет прекрасную репутацию. Держалась бы за свою синицу в руках. Зачем ей этот Вронский?

– А теперь?

– А теперь, мне всё ещё нравится Анна, но я понимаю, что её брак не очень хорош, она совсем не любит мужа, он тоже не сильно к ней романтичен, но то как она себя ведёт. То хочу развода, то не хочу, то Каренин святой, то он внушает ей отвращения. Решилась бы. Развелась бы с ним и всё. И то, как она ведёт себя по отношению к Вронскому, её истерики, ревность, что она не хочет детей, а будет держать его только своей красотой. Вышла бы просто за него замуж, а она мечется словно потерянная, и делает глупость, за глупостью, ей явно не хватает умения контролировать свои порывы и эмоции.

– Понятно, – на минуту воцарилось неловкое молчание, а затем Амори спросил, – а как бы ты от меня ушла?

– Что? – удивилась Нима, – к чему такой вопрос?

– Просто интересно, чтобы ты делала в такой ситуации.

– Собрала бы свои вещи и съехала бы, а ещё лучше выкинула бы твои вещи за дверь.

– Вот так просто?

– Да, если ты не можешь больше жить с человеком, то лучше с ним и не жить. Зачем растягивать больные и не здоровые отношения, отравляя жизнь друг другу? Проще всё прекратить.

– А как же бороться за своё счастье?

– Бороться надо тогда, когда ты чувствуешь, что вы с партнёром начинаете отдаляться друг от друга, а ни тогда, когда вы уже разлетелись по разным углам и живёте каждый в сво-

ём мире.

На кухне опять воцарилось молчание, Амори не просто так задал этот вопрос, но развивать тему не хотел, Нима это тоже было не очень приятно.

– В любом случае, – сказала Нима, – даже, если мы когда-нибудь расстанемся, ты сохранишь меня в своём сердце, и я буду с тобой всегда.

Амори улыбнулся, это напомнило ему о том, что, когда он делал ей предложение, он сказал, что, если она ему откажет, он сделает татуировку её портрета на своей груди и с обнажённым торсом стоять под её окнами с бумбоксом, горланя самые сладкие песни о любви, пока не охрипнет или соседи не вызовут полицию. Перед такой угрозой она сразу сдалась.

– Я сегодня помою посуду, – сказал Амори, – а ты иди дочитывай книгу.

– Хорошо. Ты потом спать?

– Да, сегодня лягу пораньше.

– Хорошо, – Нима поцеловала мужа в щёку, – спокойно ночи, малыш.

– Споки ноки, тыковка.

Амори сказал не совсем правду, он не пошёл спать, он вернулся в свой кабинет и продолжил то, чем был занят последнюю часть вечера, созерцал. Живопись – одно из самых старых ремёсел, которыми овладел человек. И это не просто красиво намалёванные картинки, они передавали историю, традиции, мысли и чувства людей, которые их изображали.

В их глубине скрыт необъятный смысл. Сейчас можно подумывать, что всё это осталось в прошлом, но это не так, пока у человечества остаются мысли и чувства, живопись так и будет одним из способов их передать.

Амори собирался познать всё то, что собиралось поведать ему данное произведение. Он смотрел на него несколько часов, вглядываясь в каждый мазок в каждую тень, открывая всё новые и новые глубины. Эта картина вызывала у него много самых разнообразных чувств и вопросов. Самый важный, на котором он решил пока остановится, а счастлив ли он?

Нима же ни о чём не подозревала, она спокойно дочитала книгу, взяла следующую, когда почувствовала, что хочет её начинать клонить в сон, сходила в душ и отправилась спать. Она забыла о картине на следующий же день. Она не верила ни в какие проклятия, а к живописи относилась равнодушно.

Но постепенно она начала менять своё мнение и вспоминать о картине всё чаще и чаще. Одно обстоятельство подтолкнуло её к этому. Она стала замечать, что всё реже и реже видит мужа, он много времени проводит в кабинете, перестал даже желать ей спокойной ночи, начал пропускать ужины, и такое ощущение, что избегал её. По началу её это устраивало, она занималась своими делами и не нужно было отвлекаться на мужа. Нима ходила на работу, читала, занималась в спортзале, читала, смотрела сериалы, читала, она была прекрасна приспособлена к одиночеству, и оно не чуть

её не тяготило. Однако у неё был муж и она об этом не забывала. А то, что он так её сторониться, казалось странным. Мысль о том, что он её больше не любит и у него есть кто-то ещё приходила ей в голову, больно било по её самолюбию, но она быстро её отгоняла, в его чувстве не приходилось сомневаться.

Наконец Нима не выдержала и решила поговорить с Амори. В один из вечеров она зашла к нему в кабинет. Было очень темно, шторы задёрнуты, свет не горит, ничего не разглядеть, она хотела включить свет, но не знала где выключатель, эту комнату она никогда не посещала, до сих пор. Она огляделась, тихо и темно. Картина. На стене, даже в такой темноте, она выделялась чёрным пятном. А этот белый силуэт в центре. Жутко.

– Что ты здесь делаешь?

Нима даже подпрыгнула от неожиданности. Голос раздавался из угла комнаты, где на кресле сидел Амори.

– Чёрт, – перевела дух Нима, – как же ты меня напугал.

– Прости, – тихо сказал он, – зачем ты пришла?

– Не знаю, – она очень была удивлена такой холодности и даже злобы в его голосе, – поговорить. Что с тобой происходит? Мы уже месяц, как нормально не разговаривали? Ты запираешься в кабинете, избегаешь меня. Чем ты вообще здесь занимаешься?

– Мы не разговариваем месяц, а ты только сейчас пришла?

– А что? Нужно было два подождать?

Амори ничего на это не ответил. Воцарилось неловкое молчание. Нима ждала, что муж что-нибудь ей скажет, но он молчал, а в этой темноте она даже не могла разглядеть его лица.

– Так может всё-таки поговорим? – нарушила молчание Нима.

– О чём?

– О том, что происходит? – ситуация начинала казаться Ниме всё более и более странной.

– А что происходит?

– Да, твою мать, ничего, – Нима теряла терпение, – я хочу знать, почему мой муж меня избегает, а на все мои вопросы делает вид, что он меня не понимает.

– Потому что ничего не происходит, – спокойно сказал Амори, – я работаю. У меня много новых и важных проектов. И я тебя не избегаю, мы видимся, просто реже. Это ненадолго. Тем более ты всегда хотела больше личной свободы и времени, теперь они у тебя есть. А у меня просто много дел.

– Может расскажешь, что за дела?

– Расскажу, но не сейчас, – Амори тяжело вздохнул, – тыковка, всё хорошо, я тебя люблю, не переживай.

– Ага, как скажешь, – Нима не любила спорить, а сейчас ясно видела, что ничего не добьётся.

Она решила уйти и оставить всё как есть, ещё немного понаблюдать.

– Закрой, пожалуйста, дверь, милая, – сказал ей на про-

щание муж.

Нима выполнила его просьбу. Закрывая дверь, она бросила последний взгляд на мужа, он сидел на кресле и, кажется, впивался глазами в картину.

– Совсем уже рехнулся со своей картиной, – только и прошептала про себя она.

В последующий месяц ничего не изменилось. Амори всё так же избегал свою жену, проводил много времени у себя в кабинете, и стал выглядеть каким-то бледным и больным. Ниму начали мучать кошмары, каждую ночь ей снилось, что у неё жутко болят зубы и ей нужно их вырвать. Иногда они сами выпадали, иногда она их вырывала, но всё это сопровождалось болью, кровью и слезами. Просыпалась она от таких снов не в самом лучшем настроении, каждое утро рассматривала свои зубы, и очень много внимания стала уделять уходу за ними, даже до какой-то паранойи.

Стало просто не выносимо, тогда Нима решила действовать, найти художника этой картины и пусть он объяснит, что с ней не так. Сделать это было проще простого. Художник никак не скрывался. Любой поисковик легко выдавал его адрес. Девушка решила, что лучше без предупреждения к нему приехать, разговоры с глазу на глаз ей нравились больше, чем телефонные, к тому же, так её сложнее будет игнорировать.

Поэтому она взяла выходной и поехала прямо в дом к художнику. Она ничего не знала о нём, кроме его адреса, даже фотографии не посмотрела. Она ожидала увидеть стран-

ного, старого, бледного и жуткого мужчину, как из семейки Адамс. Как же она удивилась, когда художник оказался красивым, спортивным, аккуратным мужчиной средних лет, совершенно адекватным без примеси какой-либо мистики. Нима прямо и коротко описала ему суть проблемы.

– Так что с вашей картиной? Почему её хозяева умирают? – спросила в конце Нима.

– Ничего, это просто картина, – ответил художник.

– А люди просто умирают, – не на такой ответ она рассчитывала.

– Да, – очень спокойно ответил он, – каждую секунду где-то в мире кто-то умирает, а кто-то рождается. Это естественно. Моя картина никак не может этому ни помешать, ни помочь.

– Так что же она делает.

– То, что делают все картины. Передаёт мысли и чувства, затрагивает струны души. Я писал её в тот момент, когда мне было очень одиноко, когда мне нужен был кто-нибудь, какой-нибудь друг или человек, с которым просто можно было поговорить, а я был один. Только я и моя живопись. Это был мой крик о помощи, мои ощущения. Признаюсь, получилось очень хорошо. Люди, которые смотрят на эту картину чувствуют всё то, что чувствовал и переживал в тот момент я. Но все мы несчастны по-своему. Дело совсем не в картине.

Нима и так всё это прекрасно знала, она знала, что картина ни при чём, всё дело было в ней и в её муже. Просто проще

всегда обвинить какую-нибудь картину, чем признать, что у твоего брака серьёзные проблемы, а ты просто очень давно не любишь своего мужа.

Нима ещё ни раз встретила с художником, они прекрасно поладили и явно нашли общий язык. Нима произвела на него сильное впечатление, настолько, что даже захотел написать её портрет, чего он раньше никогда не делал.

Но сначала Ниме нужно было разобраться с тем, что творится у неё дома. Она решила ещё раз поговорить с мужем. Она выбрала для этого вечер после его премьеры, чтобы не портить ему настроение до неё.

– Сядь, – сказала она ему, – мне нужно тебе кое-что сказать.

– Если ты опять о моей замкнутости, – начал Амори, – то всё, теперь я опять буду внимательным и заботливым.

– Нет, пожалуйста, просто послушай, – Нима дрожала, она избегала смотреть мужу в лицо, и всё бы отдала, чтобы ничего не говорить, – я от тебя ухожу. Прости. Я больше так не могу, дело не в тебе. Ты замечательный. Просто я... Просто я... Просто... Просто я тебя не люблю. И давно, наверное, ещё до нашего замужества. Мы такие разные, у нас давно нет ничего общего. Мы в разных углах и пора перестать висеть камнем на шее друг у друга. Прости.

Нима всё-таки решила посмотреть на мужа. Он плакал. Тихо. Грустно. Она разбила ему сердце и ясно это видела.

– Может всё ещё можно исправить?

– Нет, – он хотел подойти к ней, но она отступила.

– Я тебя так люблю.

– Я знаю, и мне жаль, – Нима тоже начала плакать.

– Я тебя так просто не отпущу, я исправлюсь, я тебя снова добьюсь, я всё сделаю.

– Нет, – Нима знала, что сейчас она ранит его так глубоко, как никто никогда, – я беременна.

– Но... но... но..., – Амори осознал всё, что скрывалось за этой фразой.

– Прости.

В их доме наступила тишина, только мерзкое чудовище обвивала своими щупальцами их семейное гнёздышко. А картина? Боль была не внутри неё, она всегда была за её пределами.

Ветер

– Как же громко? – подумала Аида и встала с кровати.

Просто не выносимо, этот ужасный звук. Была уже глубока ночь, часа два или три, но ветер всё не утихал. Его завывания просто ужасны. И дело не в том, что он издавал какие-то особенные звуки, был похож чей-то крик, смех или вопль, нет, просто было очень громко. Эти порывы, это дребезжание стёкол, свист потока воздуха, проходящего через железные трубы, битьё карнизов. Всё это так мешает.

Аида думала, что устала настолько сильно, что никакой ветер не помешает ей заснуть, но это оказалось не так. Она ворочалась с боку на бок уже больше час, а сна ни в одном

глазу. Она и раньше плохо засыпала. По своей натуре она была совой, причём самой поздней. Не ложиться спать под утро ей было проще, чем рано встать. Часы после заката были для неё самыми продуктивными. И не то, чтобы она не любила солнце, наоборот, солнечная погода доставляла ей больше удовольствия, чем кому-либо. Только днём она была куда более ленивой и не собранной, чем ночью. Вот в темноте все её таланты раскрывались. Голова начинала работать, в мозг поступали идеи, а адреналин так пульсировал в крови.

Однако, у всего есть свои минусы. Мы живём в мире жаворонков. Рано вставать, рано в школу, в университет, на работу, в больницу, всегда и везде нужно по раньше, раньше встанешь большее успеешь, кто рано встаёт тому Бог подаёт, и всё в таком духе. Аида приспособилась, как и все, но страдала из-за этого, ужасным недосыпом. Она очень старалась ложиться и засыпать пораньше, но раньше полуночи у неё никак не получалось.

А сегодня ещё и этот ветер. Сколько можно? Она бы не злилась, если бы это было, как в поезде. Монотонный, ритмичный шум, который быстрее тебя убаюкивает. Сейчас всё наоборот, это только раздражает. И сильно.

За окном картина была не утешительнее. Аида сама не знала, зачем она встала. Если очень сурово посмотреть на ветер, может быть он прекратится. Нет. Так это не работает. Он даже и не думает стихать. Порывы сильны, часты и, видимо, выключать их никто не собирается.

Однако, стоит признать, что было в этом и что-то завораживающие, даже волшебное. Деревья качались из стороны в сторону, отбрасывая красивые и жуткие тени, фонари таинственно мигали, даже трава больше походила на волнуящееся море, чем на аккуратный газон.

Больше всего Аиду поразили фонари, как же таинственно они мигают. Как в хороших фильмах ужаса, и жутко, и красиво. Такой свет заставляет задуматься о чём-то мистическом, нереальном, чудесном. Против воли и злости, мысли Аиды понесли её в мир фантазий. Она обладала богатым воображением и легко могла начать летать в облаках. Теперь это был не просто раздражающий, мешавший спать ветер, это была сила, которая могла изменить всё вокруг.

Девушка открыла окно. Ветер ворвался в комнату. Холодный, неистовый, пронизывающий тебя насквозь. Но было в этом что-то приятное. Звуки стали ещё громче, но теперь это не раздражало. Аида полностью отдалась ветру и своим ощущениям.

– Так, наверное, чувствуют себя птицы, когда летают. Наверное, это чувство свободы, – пронеслось в её голове, – как приятно.

Однако, она открыла окно не за тем, чтобы помечтать о том, какого это быть птицей. Ей захотелось сделать маленькую шалость, маленькую глупость. Ей захотелось прокричать ветру свои желания. Всё ещё жила маленькая девочка, которая верила в чудеса и волшебство, хоть она никому это-

го и не показывала.

– Я хочу быть красивой, быть самой красивой, успешной и дорогой моделью, чтобы у меня было много денег и не пришлось никогда думать о заработке, чтобы моим парнем был популярный блоггер ЯроМир, чтобы он любил меня больше жизни, только меня и никогда бы не переставал, – прокричала она и закрыла окно.

Аида покраснела. Да, если она допустила мысль, что кто-нибудь мог это слышать, она сгорела бы со стыда. А стыдно ей было. Можно сказать, что её мечты были самыми банальными, но она правда этого хотела. Кто не мечтает быть успешным, богатым, знаменитым? Каждый, к тому же, мечтает быть с кем-то, кого он видел по телевизору или в интернете. Придаваться таким фантазиям и думать о таком не преступление. Ей было стыдно от того, что она как маленькая девочка, всё ещё, вслух и про себя загадывала такие желания, а ещё за то, что она так сильно хотела заменить своего парня на кого-то с картинки. Но кто из нас без недостатков? Всё равно это только мечты. Сейчас она ляжет в кровать, уснёт, а завтра, как и вчера будет её обычная жизнь, где ничего не может изменить один ветренный день.

С такими мыслями Аида уснула.

Как же она ошибалась. Ветер способен на многое, на очень и очень многое. Это не просто поток воздуха, который движется около земной поверхности, это сила, которую мы плохо понимаем и вряд ли будем когда-либо полностью по-

нимать.

– Просыпайся, Аида, просыпайся, – кричал женский голос.

– Что? Что такое? – Аида ничего не понимала, она не ожидала увидеть кого-то в своей спальне, особенно девушку, – Ты кто?

– Очень смешно, – незнакомка продолжала трясти её, – вставай же.

– Я серьёзно, – Аида начала испытывать страх, а ещё отчаянно боролась со сном, – кто ты? Что тебе надо? Что ты здесь делаешь?

– Ты пила вчера что-ли? – девушка стаскивала с неё одеяло и была очень настойчива в своих попытках разбудить её, – Ладно, чтобы сэкономить время на восстановление твоей памяти. Я – Беатриса, твоя помощница, незамужем, детей нет, на горизонте ничего, работаю на супермодель, которая вот-вот проспит свои съёмки, за которые я бы убила.

– Что? Какие съёмки? Какая модель? Девушка, что за приколы? – Аида совсем ничего не понимала, – И где Юра?

– Опа, – девушка перестала тормошить Аиду и села на кровать, – ты с Яриком что-ли поругалась? Что он натворил? Могла бы мне вчера вечером позвонить, если очень плохо было. Глупостей надеюсь не сделала?

Чем больше Беатриса говорила, тем больше Аида не понимала. Хотя была одна мысль, которая упорно билась в её голове.

– Что за Ярик? – глупо спросила она.

– Дела, видимо, совсем плохи, – вздохнула её помощница, – а то хотела тебя с утра порадовать. Вы стали парой года, про вас все журналы пишут. Весь интернет вашими фотками забит. Вот, смотри, какие милахи, – она протянула Аиде свой смартфон.

Аида не поверила своим глазам. Там была статья, про неё, правда, про неё и парня, о котором она мечтала. Они были вместе. Про них писали.

И мысль, которая билась в голове у Аиды, наконец-то, пробила плотину её недоумения. Её желание. Ветер. Конечно. Всё исполнилось. Всё как она того хотела. Она модель. Она красива. Богата. Успешна. А этот парень, она её парень, её и больше ничей. О чём ещё мечтать? Ура!!! Она одним мигом попала в свою идеальную жизнь, теперь её ждёт только счастье и радость.

– Какие у нас сегодня планы? – бодро вскрикнула Аида и выскочила из кровати.

Беатриса даже рот открыла от удивления.

– Аа... ммм.... эммм..., – пыталась собрать она мысли, – через полчаса примерка, потом небольшое интервью, потом подготовка и вечером показ.

– Отлично, – улыбнулась Аида, – поехали, соберусь и поем в машине.

Беатриса тоже улыбнулась и девушки поспешили по делам.

Идеальный мир. Как же всё здорово. Аида просто упивалась своей мечтой. Сколько роскоши, блеска, внимания. Все ей рады, все её обожают. Вокруг камеры и она. Чудесно. Но немного болят глаза от постоянных вспышек, и столько косметики, кожа просто кричит от этой тяжести. Это мелочи, она ведь на пике, и ей ничего не нужно было для этого делать. У неё нет шокирующих историй о том, как она пробила себе дорогу в жизнь, сколько страдала, сколько голодала, как её домогались, как тяжело идти к успеху, насколько несправедлив модельный мир. Она не знает об его изнанки. Она сразу оказалась на вершине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.